

Стрекузнечики и муравьи русской и европейской литературы.

И. В. Кузнецова

1. «Попрыгунья стрекоза лето красное пропела»: почему стрекоза в баснях поет и пляшет?
2. Превращение европейской цикады в русскую стрекозу и русского кузнечика в переводах XVIII века.
3. Цикада в баснях Эзопа и Лафонтена - стрекоза в басенной традиции.
4. Цикада у Анакреонта -- кузнечик в одической традиции.
5. Литературные образы стрекозы, кузнечика, муравья в поэзии XIX и XX века: самостоятельное исследование.
6. Стрекоза-душа, кузнечик-поэт, муравей – человек массы: как литературный образ обогащается новыми красками и ассоциациями.

Антиох Кантемир. К трекозе

Трекоза, тя ублажаем,
Что ты, на древах вершинке
Испив росы малы капли,
Как король, поешь до полна.
Твое бо все, что ни видишь
В окружных полях, и все, что
Года времена приносят.
Ты же, пахарей приятель,
Никому вредна бывая;
Ты же честен человекам
Весны предвещатель сладкой;
Любят тебя и все музы,
И сам Фебус тебя любит,
Что звонкий тебе дал голос;
И не вредит тебе старость.
Мудрая земли отродок,
Песнолюбка! беспечальна,
Легкоплотна и самим чуть
Богам во всем не подобна.

М. В. Ломоносов**Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф**

когда я в 1761 году ехал просить

о подписании привилегии для академии,
быв много раз прежде за тем же

Кузнечик дорогóй, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем
одарён!

Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.

Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в сáмой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти́, иль, лучше, ты безплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твоё; везде в своём дому,
Не просишь ни о чём, не должен никому.

Г. Р. Державин. Кузнечик

Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужечик,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любуюся на воле,
Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, всё с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству.

Сам богат собою всем.
Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земли ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! ты пиит!
Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!

Джон Китс. Кузнечик и сверчок

(пер. С. Я. Маршака)

Вовеки не замрет, не прекратится

Поэзия земли. Когда в листе,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,

Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться

Своим участием в летнем торжестве,

То зазвенит, то снова притаится

И помолчит минуту или две.

Поэзия земли не знает смерти.

Пришла зима. В полях метет метель,

Но вы покою мертвому не верьте.

Трещит сверчок, забившись где-то в щель,

И в ласковом тепле нагретых печек

Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

А. К. Толстой

* * *

Где гнутся над омутом лозы,

Где летнее солнце печёт,

Летают и пляшут стрекозы,

Весёлый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,

Тебя мы научим летать,

Дитя, подойди, подойди же,

Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,

Нам так хорошо и тепло,

У нас бирюзовые спинки,

А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,

Мы так тебя любим давно —

Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

О. Э. Мандельштам

х х х

Стрекозы быстрыми кругами
Тревожат черный блеск пруда,
И вздрагивает, тростниками
Чуть окаймленная, вода.

То — пряжу за собою тянут
И словно паутину ткут,
То — распластавшись — в омут канут —
И волны траур свой сомкнут.

И я, какой-то невеселый,
Томлюсь и падаю в глуши —
Как будто чувствую уколы
И холод в тайниках души...

Велимир Хлебников. Кузнечик

Крылышка золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» — тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

Илья Эренбург

Крылья выдумав, ушел под землю,
Предал сон и погасил глаза.
И, подбитая, как будто дремлет
Сизо-голубая стрекоза.
Света не увидит Персефоне,
Голоса сирены не унять,
К солнцу ломкие, как лед, ладони
В золотое утро не поднять.
За какой хлопочешь ты решеткой,
Что еще придумала спеша,
Бедная больная сумасбродка,
Хлопотунья вечная, душа?

Николай Заболоцкий

Кузнечик

Настанет день, и мой забвенный прах
Вернется в лоно зарослей и речек,

Заснет мой ум, но в квантовых мирах
Откроет крылья маленький кузнечик.

Над ним, пересекая небосвод,
Мельчайших звезд возникнут очертанья,
И он, расправив крылья, запоет
Свой первый гимн во славу мироздания.

Довольствуясь осколком бытия,
Он не поймет, что мир его чудесный
Построила живая мысль моя,
Мгновенно затвердевшая над бездной.

Кузнечик — дурень! Если б он узнал,
Что все его волшебные светила
Давным-давно подобием зеркал
Поэзия в пространствах отразила!

Арсений Тарковский

Загадка с разгадкой

Кто, еще прозрачный школьник,
Учит Музу чепухе
И торчит, как треугольник,
На шатучем лопухе?

Головастый внук Хирона,
Полувсадник-полуконь,
Кто из рук Анакреона
Вынул скачущий огонь?

Кто, Державину докука,
Хлебникову брат и друг,
Взял из храма ультразвук
Золотой зубчатый лук?

Кто, коленчатый, зеленый
Царь, циркач или божок,
Для меня сберег каленый,
Норовистый их смычок?

Кто стрекочет, и пророчит,
И антеннами усов
Пятки времени щекочет,
Как пружинками часов?

Мой кузнечик, мой кузнечик,
Герб державы луговой!
Он и мне протянет глечик
С ионийскою водой.

Виктор Соснора. Муравьиная тропа

И ты, муравей, ищешь искренний выход,
ты, внук муравья, ты, муж муравьи.

Тропой муравьиной в рабочей рубашке
направишься в суд,
а по телу - мурашки.

Суд мира животных и мира растений
тебя -
к оправданию или расстрелу?

И скажут:

- Другие - погибли в лавинах,
а ты?

Ты всю жизнь шел тропой муравьиной.

- Да, шел муравьиной, - скажи
(обойдется!)

Все шли муравьиной, - скажи убежденно.

- Нет, - скажут, - не все. Подойдите
поближе.

Вот списки других,
к сожаленью, погибших.

- Но, - вывернешь оторопелые очи, -
я шел муравьиной, но все же не волчьей.

И скажут:

- Волнуешься? Ты - неповинен.

А все-таки шел ты тропой муравьиной.

Ты выйдешь, в подробности не вдаваясь,
пойдешь по тропе муравьиной, зевая,
все больше и больше недоумевая,
зачем тебя все-таки вызывали?

Федерико Гарсиа Лорка

Как улитка отправилась путешествовать и кого она встретила в пути (отрывок)

И тут повстречалась улитка
с красными муравьями,
они, суетясь и толкаясь,
тащили полуживого
муравья, у которого сильно
переломаны усики были.

Воскликнула наша улитка:

— Мурашеньки, остановитесь!

За что наказать хотите

вашего бедного братца?

Расскажите мне, что он сделал?

Я вас рассужу справедливо.

Ты сам расскажи, не бойся.

Тогда муравей полумертвый
сказал тихонько и грустно:

— Я, знаете, видел звезды.

— Звезды? Что это значит? —

кричат муравьи возмущенно.

Да и улитка тоже

спросила задумчиво: — Звезды?

— Да, — муравей отвечает, —

я видел звезды, поверьте.

Я поднялся высоко,

на самый высокий тополь,

и тысячи глаз лучистых

мою темноту пронзили. —

Тогда спросила улитка:

— Но что же такое звезды?

— А это огни, что сияют

над нашею головою.

— Но мы их совсем не видим!

сердцась, муравьи возражают.

А улитка: — Слаба я зреньем,

вижу не выше травки. —

Тогда муравьи вскричали,

усиками вращая:

— Тебя мы убьем. Ленив ты

и развращен. Ты должен

трудиться, не глядя в небо.

Андрей Вознесенский

Муравей

Он приплыл со мной с того берега,
заблудившись в лодке моей.

Не берут его в муравейники.

С того берега муравей.

Черный он, и яички беленькие,
даже, может быть, побелей...

Только он муравей с того берега,
с того берега муравей.

С того берега он, наверное,
как католикам старовер,
где иголки таскать повелено
остриями не вниз, а вверх.

Я б отвез тебя, черта беглого,
да в толпе не понять — кто чей.
Я и сам не имею пеленга
того берега, муравей.

Того берега, где со спелинкой
земляниковые бока...
Даже я не умею пеленга,
чтобы сдвинулись берега!

Через месяц на щепке, как Беринг,
доплывет он к семье своей,
но ответят ему с того берега:
«С того берега муравей».

Булат Окуджава. Кузнечик

Юлию Киму

Ну чем тебе потрафить, мой кузнечик,
Едва твой гимн пространства огласит?
Прислушаться — он от скорбей излечит,
А вслушаться — из мёртвых воскресит.

Какой струны касаешься прекрасной,
Что тотчас за тобой вступает хор
Таинственный, возвышенный и страстный
Твоих зелёных братьев и сестёр?

Какое чудо обещает скоро
Слететь на нашу землю с высоты,
Что так легко в сопровожденьи хора,
Так звонко исповедуешься ты?

Ты тоже из когорты стихотворной,
Из нашего бессмертного полка...
Кричи и плачь... Авось твой труд упорный
Потомки не оценят свысока.

Поэту настоящему спасибо,
Руке его, безумию его
И голосу, когда взлетев до хрипа,
Он неба достигает своего.

Юрий Ряшенцев

Я помню эти летние картинки:
трассирующий просверк паутины
при первом появлении луча,
и пурпурный кочан персидской розы,

и пламенных бесед метаморфозы
в тени плетеной башни первача,
которым поперхнешься сгоряча —
Бог знает все, и даже наши дозы.

Июнь — намек на строгий Божий график,
который живописец или график
обязан был понять давным-давно.
Вода уже тепла, еще не вязка.
Судьба уже не быль, еще не сказка.
А впрочем, сказкой стать ей не дано:
пойдут дожди... Рай был так близко, но
со счастьем в этом мире неувязка.

Вон муравей спешит к вечерней смене.
Вот кто достоин счастья: в каждом гене
он — насекомый трудовых кровей.
Его отчизна там, где жизнь сурова.
Он — укORIZна стрекозе... Как? Снова?!
Ведь хочется чего-то поновей,
хотя права, права — куда правей? —
та байка Лафонтена иль Крылова.

Но сколько можно повторять азы нам?
Наш век прошел. И жалко стрекозы нам,
так танцевавшей на заре его,
так шелестевшей тканью слюдяною,
бессильной пред эпохой ледяною,
где все, что не работа, — воровство.
И что ж тут возразишь-то? Ничего.
Да шлэндра... Но ведь приглянулась Ною!

Ной понимал, кого он брал на судно.
И стрекоза, хоть и была беспутна,
мне кажется, в лимит попасть могла.
Оправдано ее в нем пребыванье:
на Господа простое упованье —
немалый вклад в счастливые дела.
Звучи же легкомыслию хвала!
Когда звучишь, то — не без основанья.

Она висит, предтеча вертолета,
и может, только в том ее работа,
чтоб авиаконструктор вдруг прозрел...
А муравей наметил влезть на грушу.
Я муравьиных планов не нарушу —
вот вам консенсус двух белковых тел,
в которых Кто-то очень захотел

вдохнуть, но — что? Так странно молвить:
душу.

Виктор Соснора

Кузнечик

Ночь над гаванью стеклянной,
над водой горизонтальной...

Ночь на мачты возлагает
купола созвездий.

Что же ты не спишь, кузнечик?
Металлической ладошкой
по цветам стучишь, по злакам,
по прибрежным якорям.

Ночью мухи спят и маги,
спят стрекозы и оркестры,
палачи и чипполино,
спят врачи и червяки.

Только ты не спишь, кузнечик,
металлической ладошкой
по бутонам, по колосьям,
по прибрежным якорям.

То ли воздух воздвигаешь?
Маяки переключаешь?
Лечишь ночь над человеком?
Ремонтируешь моря?

Ты не спи, не спи, кузнечик!
Металлической ладошкой
по пыльце стучи, по зернам,
по прибрежным якорям!

Ты звени, звени, кузнечик!
Это же необходимо,
чтобы хоть один кузнечик
все-таки
звенел!

Дмитрий Быков. Басня

Да, подлый муравей, пойду и попляшу,
И больше ни о чём тебя не попрошу.
На стёклах ледяных играет мёрзлый глянец.
Зима сковала пруд, а вот и снег пошёл.
Смотри, как я пляшу, последний стрекозёл,
Смотри, уродина, на мой прощальный танец.

Ах, были времена! Под каждым мне листком
Был столик, вазочки, и чайник со свистком,
И радужный огонь росистого напитка...
Мне только то и впрок в обители мирской,
Что добывается не потом и тоской,
А так, из милости, задаром, от избытка.

Замёрзли все цветы, ветра сошли с ума,
Все, у кого был дом, попрятались в дома,
Повсюду муравьи соломинки таскают...
А мы, негодные к работе и борьбе,
Умеем лишь просить: "Пусти меня к себе!" -
И гордо подыхать, когда нас не пускают.

Когда-нибудь в раю, где пляшет в вышине
Весёлый рой теней, - ты подползёшь ко мне,
Худой, мозолистый, угрюмый, большеротый,
-
И, с завистью следя воздушный мой прыжок,
Попросишь: "Стрекоза, пусти меня в кружок!"
-
А я скажу: "Дружок! Пойди-ка поработай!"